

ражке, свешивалась вниз, да и весь он был точно сгорбленный. Дряблое, морщинистое лицо его показывало за пятьдесят; маленькие, заплывшие глазки глядели угрюмо, строго и с неудовольствием» (6, 208—209). Именно при этой встрече мещанин говорит вдруг ослабевшему и похолодевшему Раскольникову, что тот «убивец» (6, 209).

Герою кажется, что явившийся к нему и новый для него человек был свидетелем его злодеяния: «Кто он? Кто этот вышедший из-под земли человек? Где был он и что видел? Он видел всё, это несомненно. Где ж он тогда стоял и откуда смотрел? Почему он только теперь выходит из-под полу?» (6, 210).

В inferнальном сне, служащем продолжением inferнальной действительности, «мещанин в халате» свидетелем и выступает. Назвав Раскольникова убийцей, он далее, как бы в подтверждение брошенного обвинения, ведет героя на место преступления, в квартиру старухи, чтобы там насмешливым и зловещим образом этой старухой и обернуться.

Когда позднее мещанин приходит к Раскольникову просить прощения за «оговор» и «злобу» (третье и последнее появление мещанина в романе), тот опять-таки не может припомнить их первую встречу: «Дверь отворялась медленно и тихо, и вдруг показалась фигура — вчерашнего человека *из-под земли*.

Человек остановился на пороге, посмотрел молча на Раскольникова и ступил шаг в комнату. Он был точь-в-точь как и вчера, такая же фигура, так же одет, но в лице и во взгляде его произошло сильное изменение: он смотрел теперь как-то пригорюнившись и, постояв немного, глубоко вздохнул. Недоставало только, чтоб он приложил при этом ладонь к щеке, а голову скривил на сторону, чтоб уж совершенно походить на бабу.

— Что вам? — спросил помертвевший Раскольников» (6, 274).

В этом свидании мещанин сам напоминает герою об их первой встрече: «— Да я там же, тогда же в воротах (...) стоял, али запомнили?». Только тут Раскольникову «ясно припомнилась вся сцена третьего дня» и «один голос, предлагавший вести его прямо в квартал. Лицо говорившего не мог он вспомнить и даже теперь не признавал, но ему памятно было, что он даже что-то ответил ему тогда, обернувшись к нему...» (6, 275).

В отличие от Раскольникова, не увидевшего человека, на которого он смотрел, этот человек оказался очень «заметлив» (ср. слова Раскольникова Порфирию: «Как это вы так заметливы?..» — 6, 194). Даже слишком. Он заметил фамилию героя, его социальное положение (студент), его адрес, рекомендацию справиться о нем у дворника (т. е. все, что Раскольников сказал о себе в сцене под воротами — 6, 135), а затем тот факт, что на другой же день герой его «не признал», и ту реакцию на прямое обвинение в убийстве, которая, по мнению любознательного и въедливо-дотошного мещанина, означала одно — молчаливое согласие с верностью этого обвинения. О своих психологических наблюдениях, как узнал Раскольников от того же мещанина, он доложил Порфирию: «...донес я ему обо всем и говорил, что с моих вчерашних слов ничего вы не посмели мне отвечать и что вы меня не признали» (6, 276).

Судя по всему, донос окончательно убедил Порфирия (если ему еще это нужно было) в том, что Раскольников — убийца. Вслед за мещанином Порфирий несколько позднее повторяет обвинение: «— Как кто убил?.. — переговорил он, точно не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом» (6, 349).

Но такого убеждения, уж конечно, мало для судебного приговора. «— Эх, что ж, что я убежден? Ведь всё это покамест мои мечты-с (...). Приведу я, например, уличать вас мещанинишку, а вы ему скажете „Ты пьян, аль нет? Кто меня с тобой видел? (...)“, — ну что я вам тогда на это скажу, тем паче, что ваше-то еще правдоподобнее, чем его, потому что в его показании одна психология, — что его рылу